

Поэт и современность. Три суда.

Г.Поморцева

«... Читая поэзию, мы видим душу поэта – как на портрете Дориана Грея. Видим достоинства и пороки поэта – как они есть. Только в этом смысле поэзия нравственна – нравственна потому (и только потому), что правдива (в поэзии не солжешь). А «правда всегда нравственна», сказал кто-то, не Руссо ли? Поэзия – абсолютная форма исповеди. (...) По стихам будут судить о поэте, судить поэта – вот вам и «мораль». Единственно возможная мораль».

Так считал Константин Васильев. Состоявший с ним в 10-летней переписке известный лермонтовед Олег Пантелеймонович Попов в письме от 10.08.94 года так отозвался о венке сонетов «Земные сны» сразу же после его опубликования: *« У меня не выходит из памяти великолепный образ – «сиянье тьмы». Когда-то Брюсов писал, что автор двух строк:*

Ночь, старуха богомольная,
Миллион лампад затеплила, -

уже поэт Божьей милостью. Но «сиянье тьмы» несравненно сильнее, и весь венок сонетов сделан мастерски, свободно и мудро, без каких-либо натяжек, обычно встречающихся в трудных формах. (...) Вы – философ не мирного, спокойного толка, а беспокойный, строптивый, не боящийся противоречий и знающий им цену (единство противоположностей признавали философы – от древних греков до Эйнштейна). Кумиров у Вас, по-видимому, нет. В парадоксах Вы видите их глубинный смысл, а не просто эффектную форму. В соединении кругового пути и прямого есть что-то от Эйнштейна или Лобачевского».

Спустя почти 10 лет в дискуссии на интернет-сайте «Литературной газеты» мы находим высказывание Владимира Цивунина о том, что в сетевом самиздате *« открываешь иногда поразительных по силе (классического причем стиха) поэтов, ни одной публикации которых в жлобских изданиях не видел. Не думаю, что они не пытались туда обращаться, но там стихотворные поделки «кума Ивана», видимо, понимают лучше, чем поэзию как таковую. Поэтому их и берут – кумовьев да сватьев, которые по-кумовски же и понятны. Причем совершенно независимо – это «Новый мир» или «Наш современник», «Литературная газета» или «Литературная Россия». А потом и находят мертвыми поэтов, которые не были толком услышаны при жизни: Аркадий Кутилов, Дмитрий Фролов. Многим ли довелось прочитать при его жизни Константина Васильева? Ну и нечего тогда спрашивать ...»*

Васильевым, кроме нескольких тысяч стихотворений, написанных за 25 лет творческой деятельности, подготовлен проект «Книги литературно-критических эссе», состоящей из 47 произведений, оставлены литературные дневники (10 общих тетрадей) и целый ряд заметок, рецензий и размышлений, заключающих в себе опыт самоанализа. Если бы все это было доступно для читателей, то, возможно, работники музеев, работники культуры не задавали бы вопросов, подобных следующему: *« А почему в фильме о поэте он все время на фоне монастыря? Он же некрещеный».* Вот и начинается «суд не по стихам». Хочется в свою очередь спросить: *« А на каком же фоне ему еще быть?»* Он здесь родился, вырос, воспел в десятках стихотворений и Борисоглеб, и борисоглебские купола: *«Мне купола Борисоглеба еще сияют впереди...», «Купол храма... Панорама входит прямо в сердце мне...», «На уровне куполов вся жизнь, быть может, прошла...».* Но человеческому суду свойственно навешивать ярлыки. Вот уже и публикация появилась с определением, что Константин Васильев «был убежденным атеистом». Да не вмещается поэт в куцые определения!

Пусть кирпичи в меня летят
из той дыры, из тех палат,
и с высоты небесных сфер –
я никакой не ретроград,
я не революционер.

И кто из вас душою чист? –
все сразу подают пример...
Камней летящих жуткий свист...
Я никакой не атеист,
я не революционер.

В мои глаза летят плевки,
и мир передо мною – сер...
Уже не вижу я ни зги...
Я не фанатик, дураки,
и не революционер.

И все же мне спасенья нет.
Не пионер, не флибустьер
стою, а там – простыл и след...
Но я не из числа химер –
я Божьей милостью поэт...
И вот – считает целый свет,
что я – революционер.

27.06.88.

Или еще один образчик искажения. Цитирую текст публикации: « *Я поэт для избранных, поэт – для поэтов* ». Так определил свое место в поэзии Константин Васильев ». Да с чего вы это взяли? Такой фразы нет в природе, а ее уже начинают растаскивать по газетам. А вот оригинал текста: «... **Не мы выбираем поэтов – они нас. Об этом положено стыдливо умалчивать, но это так. Я это знаю – и я сам выбираю своего читателя. Важен мне только он один (безразлично в каком количестве – все равно, я стремлюсь к наименьшему и здесь 2 или 200 не суть важно), на остальных – не-читателей моей поэзии – мне наплевать. Будет 2 – будет 200, никогда не будет 200 000! Я не гонюсь за успехом в его примитивной форме – к популярности . В этом моя сила – в этом моя слабость. Но что мне моя слабость, если есть сила! Я предпочитаю быть «поэтом для поэтов», а не поэтом «для всех». Для всех – значит, для никого »**, (17.08.1987 г.) Фраза «поэтом для поэтов» взята в кавычки. Насколько мне известно «поэтом для поэтов» называли Велимира Хлебникова, и Константин Васильев никогда так не заявлял и не заявил бы о себе.

Теперь об «избранных». Цитирую К. Васильева: « ... **Легко писать так, чтобы тебя поняла и полюбила - толпа! Но как трудно писать для «избранных».** Я не отстаиваю принцип элитарности. Для меня пастух, понимающий подлинную поэзию – избранный, а профессор философии, который глух к поэзии – представитель «толпы». Я, разумеется, готов уважать этого профессора – как ученого, и как человека (если он хороший человек)... Но пишу-то я не для него, а для тех, кому нужна поэзия! И в моем слове «толпа» - нет ничего оскорбительного. Я не буду думать о человеке хуже, если узнаю, что он глух к поэзии. Это не вина его, а беда (впрочем, может это его счастье?!). Я не переносу лишь тех, кто будучи к поэзии глухим, судит поэтов . Это уже другое дело! (01.03.82 г.).

Приходится мне сталкиваться и с такими высказываниями: « В музей борисоглебцы ходить не будут, так как все знают, что Костя пил ». Ну, уж это будет фактом биографии борисоглебцев, вернее тех из них, которые хотят видеть только внешнее, сиюминутное, лживо-благопристойное. Вот что по аналогичному поводу писал Константин Васильев: «... **Настоящие «нелитературные» односельчане «гения» вышвырнули бы его со сцены вверх тормашками (и были бы по-своему правы: ни Есенин, ни сам Пушкин не настолько уж провинились перед человечеством, чтобы их бесцеремонно и принудительно, читал вслух какой-то идиот) ».**

Посвяти меня в поэты,
Ненавистный мой народ.
Посвяти, сгони со света –
Только не наоборот.

Растопчи мою святыню,
А потом - пойми ее,
Прогони меня в пустыню,
Подари небытие!

Ненавидь меня безумно,
Чтоб безумно полюбить.
Обвини меня угрюмо,
Чтоб впоследствии простить.

Откопай лет через двести
Жалостливо мой скелет,
Чтобы стал я чьей-то песней,
Чтобы кем-то был воспет.

Ибо с кем-то, ибо где-то
Будет то же – в свой черед.
Посвяти меня в поэты,
Ненавистный мой народ.

21.07.80.

А посетители в музее бывают. Из разных городов и даже из ближнего и дальнего зарубежья.

И судить поэтов не надо. Они сами себя осудят, да так, как у нас, их читателей, ни смелости, ни воображения не хватит.

Вот цитата из неопубликованного эссе Константина Васильева: «... **в основе всякого мифа о всяком поэте лежит гранитной глыбой тезис о его – поэта – чуткости, ранимости, нежности. Все это невинная, но тем более грубая ложь. Душа всякого хорошего поэта – железная, ржавая, непробиваемая, сердце – каменное. Что касается совести... совести – то уж, во всяком случае, поэт начисто лишен. Вообще поэзия – род проституции, ибо эта проституция «духовная». Не буду распространяться на эту тему, отсылаю читателя к заметам В.В. Розанова... – только добавлю, пожалуй, что оправдывают это позорное занятие – стихи . Через них поэт гибнет – но в них и его спасение, единственное и подлинное. Все остальное можно вынести за скобки бестрепетной рукой. И чтобы писать стихи – поэту как раз и требуется обладать: каменным сердцем, «железной» душой, отсутствием совести ...**

Каково! – обладать отсутствием совести . Это не парадокс и не следствие моей малограмотности, впрочем очевидной. И я настаиваю на этой «формуле», именно на ней и ни чем другом в этом мире.

Бедные поэты! Они не ведают что творят (и в жизни и в искусстве... Но иногда и ведают, и еще как ведают!) (...)

Только вот еще что: мы прекрасно усвоили, что все поэты – жертвы (обстоятельств, судьбы, общества... Разве что не «жертвы аборта»). Да – жертвы. Но это не значит, что они сами не бывали палачами. Бывали, частенько бывали, в том и штука. Поэты просто не могут не бывать время от времени (и желательно – почаще!) «палачами», потому что это – способ их существования. Как говорится, «не согрешишь – не покаешься». О чем бы поэт пел, если бы он жил пристойно, «как все»? (1)

Упрощая, можно сказать, что сама поэзия - катарсис, преодоление зла. Но разве может преодолеть зло тот, кто держится от него в сторонке? Сама судьба повелела поэту – прежде грешить, а после петь, то есть «очищаться» самому, и очищать нас с вами. «Божественный глагол» нисходит все-таки к земному, низкому, низменному человеку ...».

Ничем я не могу помочь
вам, одичавшим в одночасье.
Так и получится точь-в-точь:
меня погоните вы прочь,
путем всеобщего согласия.

Вы говорите грубый вздор
от имени всего народа –
какой великолепный хор!
Я выслушаю приговор,
я выслушаю ваши оды.

Я ничему не удивлюсь,
все происходит не впервые.
Я знаю, знаю наизусть
и вашу презираю Русь,
и к вашей не стремлюсь России.

Любое ваше слово – ложь,
само молчанье ваше лживо,
меня словами не возьмешь,
меня молчаньем не убьешь,
и не столкнешь меня с обрыва.

Ведь я, стоящий на своем, -
держусь уверенно и прямо.
И я не слеп, не глух, не хром,
и никого не жгу огнем,
и никому не рою яму.

Я даже вам навстречу шел!
Я даже слушал ваши речи!
Но где – божественный глагол?
Вранье, угрозы, произвол
и принципы не человечьи.

Жалею вас, - напрасно, ведь
вас просто бесит жалость эта.

- Никто не смеет нас жалеть! –
Но я имею право – сместь
и говорить, и ждать ответа.

15.04.89.

*Доклад директора «Музея-квартиры поэта К. Васильева » Г. И. Поморцевой. Третьи
Васильевские чтения. Борисоглеб, 20 августа 2005 года.*